

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Панкрат И.А. «Легализация» поселений беглых монастырских крестьян после проведения первой ревизии (по материалам симбирского Поволжья) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75485 EDN: MFUXHL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75485

«Легализация» поселений беглых монастырских крестьян после проведения первой ревизии (по материалам симбирского Поволжья)

Панкрат Иван Алексеевич

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
специалист 1-й категории; Российский государственный архив древних актов

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ ipancrat99@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.4.75485

EDN:

MFUXHL

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2025

Дата публикации:

15-08-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена процессу "легализации" беглых монастырских крестьян, поселившихся в Поволжье на территории Симбирского уезда и выявленных в начале 1720-х гг. при проведении первой ревизии. Вопреки традиционной практике, эти беглые не были вывезены в места выхода и остались проживать на новом месте. Формальную возможность для этого предоставляла резолюция Петра I от 9 февраля 1723 г. по вопросу о беглых: "где целые села, или где половина или треть, отдавать помещикам с землями, а где меньше, велеть развозить, как и прочих". В соответствии с этим, предметом исследования являются методы "легализации" беглецов: прежде всего, правовое оформление вновь возникшего монастырского землевладения, а также повинности, наложенные владельцами на крестьян. Особое внимание уделено также

особенностям расселения беглых и их потомков в Симбирском уезде. Методика исследования основана на сравнительном анализе офицерских описей и ревизских сказок первых трёх ревизий. В этих источниках выявляются поселения, где жили беглые крестьяне и их потомки, затем реконструируется история возникновения этих поселений. В ходе реконструкции применяется картографический метод – все выявленные поселения локализованы на карте в геоинформационной системе QGIS. В результате исследования выяснилось, что подавляющее большинство "легализованных" монастырских вотчин не соответствовало критериям, определённым резолюцией Петра I: лишь в 6 из 50 случаев беглые составляли более трети от общего числа жителей населённого пункта. Правовое оформление монастырского землевладения зависело от землевладельца, в дачах которых поселились беглые – на поместных землях оно оформлялось частноправовой сделкой, а в ясачных сёлах представляло собой долю в пользовании "государевой ясачной землей". Ярким исключением было землевладение нижегородского Печерского монастыря, основанное на захвате беглыми пустой земли и не подкреплённое никакими официальными документами. Подавляющее большинство крестьян, возвращённых "из бегов", были обязаны своим владельцам денежным оброком. При этом некоторые из беглых лишь формально числились крестьянами того или иного монастыря, однако не вернулись под его власть и не несли в его пользу никаких повинностей.

Ключевые слова:

беглые крестьяне, монастырское землевладение, освоение окраин, Среднее Поволжье, Симбирский уезд, Троице-Сергиев монастырь, владимирский Рождественский монастырь, нижегородский Печерский монастырь, ревизские сказки, офицерские описи

С момента окончательного установления крепостного права в России официальное законодательство строго запрещало переселение крепостных без ведома их владельца и трактовало своевольную крестьянскую миграцию как побег. Согласно нормам одиннадцатой главы Соборного Уложения, бежавшего крестьянина надлежало вернуть его вотчиннику или помещику вместе с семьёй и движимым имуществом, а укрыватель беглого должен был заплатить штраф [\[26, с. 151 – 157\]](#). При этом на практике обычно подразумевалось, что беглого необходимо не только вернуть под власть владельца, но и перевезти на прежнее место жительства.

Отражением этой практики стали, в частности, многочисленные именные и сенатские указы, изданные на протяжении первой половины 1720-х гг. в связи с подушной переписью. Беглых, выявленных в ходе её проведения, строго предписывалось «отсылать по принадлежности, откуда бежали», «выслать на прежние жилища», «отвозить на прежние жилища», «возвращать на прежние жилища» [\[25, т. VI, № 3939, 3958; т. VII, № 4307, 4399, 4519, 4622, 4715, 4733, 4771, 4813\]](#). Основополагающим в данной череде распоряжений стал указ от 19 февраля 1721 г., который целиком был посвящён организации вывоза беглецов «в прежние их места» [\[25, т. VI, № 3743\]](#).

Действие этих законодательных актов распространялось и на такую категорию крепостных, как крестьяне духовных владельцев. Беглых, «сошедших» из церковно-монастырских вотчин, в случае обнаружения на новом месте было велено возвращать «в патриаршие и архиерейские и монастырские и церковные села и деревни... по прежним его государевым указам» [\[25, т. VI, № 3743\]](#).

При этом в некоторых случаях массовый характер побегов затруднял беспрекословное следование букве закона – так, в ходе проведения ревизии в Нижегородской губернии выяснилось, что в дворцовых и ясачных сёлах «пришлые» зачастую составляют большинство населения. В такой ситуации у петровских ревизоров зародился резонный вопрос – «на каких подводах и за каким караулом» выслать такое количество людей? В ответ на это 9 февраля 1723 г. последовала высочайшая резолюция: беглых владельческих крестьян, «где целые села, или где половина или треть, отдавать помещикам с землями, а где меньше, велеть развозить, как и прочих» [25, т. VII, № 4162].

Известно, что эта норма применялась не только к помещичьим, но и к монастырским крестьянам – так, в 1726 г. Троице-Сергиеву монастырю были возвращены «и с землею» беглые крепостные, поселившиеся в ясачном селе Камишикя Пензенского уезда. Поскольку в Камишике по итогам переписи «явилось того Троицкого монастыря крестьян большая, а ясачных крестьян меньшая половина», сенатский приговор по этому делу сослался на распоряжение Петра I от 9 февраля 1723 г. [25, т. VIII, № 5735]; [39, с. 42].

Таким образом, в период проведения первой ревизии у беглых монастырских крестьян появилась официальная возможность вернуться под власть своих владельцев без выдворения с нового места жительства.

Одним из регионов, который активно осваивался в первых десятилетиях XVIII в. и куда массово стекались беглые, было Среднее Поволжье, а точнее – его южная часть, занятая территорией Симбирского и Пензенского уездов. Авторы обобщающих работ по истории освоения южного Средневолжья (Г.И. Перетяткович [35], А.А. Гераклитов [28], Э.Л. Дубман [34]) подчёркивали значение нелегальных миграций крепостных в формировании сети постоянного оседлого расселения на территории региона. При этом упомянутые исследователи не анализировали взаимодействие беглых с властями и другими категориями местного населения, а также не уделяли внимания процессу их возвращения, хозяйственной и правовой интеграции в жизнь региона.

В советские годы побеги крестьян изучались в рамках марксистского подхода, воспринимаясь в качестве одной из форм протesta крестьянства против феодально-крепостнического строя. Беглым крестьянам в Среднем Поволжье XVIII в. были посвящены диссертация Т.П. Ржаниковой [36], статьи К.Н. Щепетова [40] и Т.П. Бондаревской [27], а также один из разделов в монографии А.В. Клеянкина [31, с. 13 – 22].

Большой вклад в изучение темы внесла изданная в 1983 г. монография Н.В. Козловой, в которой рассматривались причины, география и динамика побегов, хозяйство беглых крестьян в сельской местности и в городах Среднего Поволжья, а также организация их сыска. В разделе, посвящённом законодательству 1720–1730-х гг., отмечалось, что правительство иногда было вынуждено отступать от идеи безусловного возвращения крестьян владельцам и оставлять их на новом месте [32, с. 131 – 135].

Основное внимание советских авторов было сосредоточено на побегах помещичьих крестьян и стремлении дворянства вернуть их под свою власть, а в качестве яркого примера классовой борьбы исследователи приводили дело крепостных крестьян кабинет-министра кн. А.М. Черкасского, которые своевольно поселились в первой трети XVIII в. на пустых землях Симбирского и Пензенского уездов. Борьба крупного «феодала» за возвращение нескольких тысяч беглых закончилась созданием в 1733 г. специальной следственной комиссии, отправкой воинских команд, разрушением поселений и насильственной депортацией беглецов в места выхода, однако многие из крестьян не

смирились с этим и вновь бежали «в те же низовые места». Дело закончилось тем, что в 1752 г. наследник князя Черкасского гр. П.Б. Шереметев был вынужден «легализовать» образовавшиеся поселения, дозволив крестьянам селиться там при условии признания помещичьей власти [\[27, с. 389 – 391\]](#); [\[31, с. 16 – 17\]](#); [\[40, с. 127 – 137\]](#).

Вместе с этим, выше уже упоминалось, что беглые крестьяне могли обрести легальный статус более мирным и спокойным путём – то есть без требуемого законом насильственного водворения «на прежние жилища». Обращение к массовым источникам, проливающим свет на историю заселения Среднего Поволжья в начале XVIII века, позволяет увидеть, что некоторые монастырские вотчины в данном регионе действительно восходили к поселениям беглых крепостных. Эти беглые были обнаружены властями при проведении первой ревизии в начале 1720-х гг., но, вопреки традиционной практике, не были возвращены на старое место жительства.

В настоящей статье мы попытаемся выявить, каким образом воплощалась в жизнь резолюция Петра I от 9 февраля 1723 г., и какие правовые механизмы обеспечивали «легализацию» беглых монастырских крестьян и их землепользования. Географические рамки анализа ограничены Симбирским уездом – находясь на юго-восточной окраине Среднего Поволжья, он заселялся наиболее активно из всех поволжских уездов [\[30, с. 36, 50\]](#).

В качестве объекта исследования выступают беглые монастырские крестьяне, а также их потомки, оставшиеся проживать там, где их застала первая ревизия. В свою очередь, предмет исследования – это методы их «легализации», нашедшие отражение в массовых источниках 1720–1760-х гг.

Из этих источников, привлечённых для анализа, главными являются так называемые офицерские описи – валовые описания монастырских имений, созданные накануне их секуляризации с целью определения монастырских штатов и размера будущего оброка с крестьян (на территории Симбирского уезда все описи были составлены прaporщиками Иваном Суховым и Михаилом Середониным в ноябре – декабре 1763 г.). Как правило, одна офицерская опись соответствовала одному населённому пункту, однако некоторые из них могли объединять два поселения, располагавшихся по соседству – к примеру, село Гусиная Лапа, принадлежавшее владимирскому Рождественскому монастырю, было описано вместе с «приписной» деревней Рождественской [\[4, л. 273\]](#).

Формуляр основной части описи включал в себя подробные данные о географическом положении имения, числе ревизских душ по второй ревизии и повинностях обитателей по отношению к своему духовному владельцу, описание собственного монастырского хозяйства и неземледельческих промысловых объектов, а самое главное – сведения о том, на каких правовых основаниях монастырь владел землёй в том или ином населённом пункте (что позволяет ретроспективно проследить историю его возникновения).

Потенциал офицерских описей как источника по социально-экономической истории неоднократно привлекал внимание исследователей, занимавшихся вотчинным хозяйством духовенства на материале Среднего Поволжья [\[29, 33, 39\]](#). Перу М.С. Черкасовой, в частности, принадлежит статья о симбирских владениях Троице-Сергиева монастыря, в которой основное внимание уделено обложению и эксплуатации монастырских крестьян по данным описей. По наблюдению автора, рассматриваемый регион к XVIII столетию был плотно занят другими собственниками и не оставлял Лавре

возможностей для организации барщинного и промыслового хозяйства, поэтому в Симбирском уезде монастырские власти довольствовались исключительно денежным оброком с крестьян [38]. Вопрос о том, почему последние были поселены в таком невыгодном для Лавры месте, отдельно в данной статье не рассматривается.

На формирование ряда монастырских вотчин в приволжских уездах из поселений беглых крестьян обратила внимание Н.В. Соколова, работавшая с офицерскими описями нижегородских монастырей (прежде всего, Печерского Вознесенского). В статье, посвящённой монастырской колонизации в Нижегородском крае, исследовательница отметила, что в первой четверти XVIII в. владельцы не стремились возвращать бежавших крестьян назад, требуя от них лишь регулярного поступления денежного оброка [37].

Ещё одним важным источником, раскрывающим картину сельского расселения, являются первичные материалы первых трёх ревизий – ревизские сказки, собранные в 1723–1724, 1745 и 1762–1764 гг. соответственно. Помимо перечней душ мужского пола и итоговых показателей численности населения по каждому населённому пункту, туда вносились данные об изменениях относительно предыдущей переписи (в том числе указания на то, что крестьяне «из бегов явились»). Кроме того, к ревизским сказкам первой ревизии приложены материалы допросов беглых крестьян, в которых те сообщали об обстоятельствах своего побега и поселения на новом месте.

При этом стоит отметить, что работу с ревизским материалом по Симбирскому уезду осложняет его неполная сохранность – практически по всем населённым пунктам имеются в наличии сказки третьей ревизии, однако две предыдущие переписи дошли до наших дней в фрагментарном виде (что восполняется «ретроспективными» сведениями офицерских описей о правах монастыря на землю).

Методика исследования, выбранная для достижения поставленной цели, сводится к сравнительному анализу вышеупомянутых источников и выявлению поселений, где жили беглые крестьяне; за этим следует реконструкция судьбы беглецов и их потомков в течение сорока лет – с 1723 по 1763 г. Акцент при этом делается на двух составляющих, на которых в рассматриваемую эпоху основывалось владение крепостными: во-первых, на правовом оформлении монастырского землевладения, во-вторых – на повинностях крепостных по отношению к своему владельцу.

С целью выявить размах бегства и особенности расселения беглецов нами была осуществлена локализация населённых пунктов на карте в геоинформационной системе QGIS. В офицерских описях приводятся названия рек, на которых расположены локализуемые поселения, упоминаются соседние сёла и деревни, указаны расстояния до монастыря, уездного центра и ближайших крупных городов в верстах; все эти сведения сопоставлялись с данными современной топонимики и с оцифрованными картами XVIII–XIX вв., которые имеют растровую привязку к картографической проекции в QGIS. Речь идёт, прежде всего, о планах Генерального межевания уездов Симбирской и Саратовской губерний, созданных в начале XIX столетия, а также топографических картах А.И. Менде (1859) и И.А. Стрельбицкого (1871).

Для достижения перечисленных задач сперва предстояло выявить, где именно на территории Симбирского уезда в массовом порядке селились беглые, и какие населённые пункты больше всего соответствовали петровскому определению – «где целые села, или половина, или треть». По итогам анализа ревизских материалов за 1723–1724 гг. удалось установить, что наиболее массовая концентрация «сходцев»

наблюдалась в восьми поселениях русских ясачных крестьян, составлявших так называемую Арбугинскую волость – селе Покровском (Ключищи), селе Троицком (Кременки), селе Николаевском (Панская Слобода), селе Николаевском (Криуша), селе Введенском (Шиловка), селе Архангельском (Тушна), селе Сергиевском (Ташла) и деревне Доможировке.

Подсчёты показывают, что население этих сёл на 41% (2712 из 6605 душ) состояло из беглых разных категорий, включая 580 крепостных мужского пола, принадлежавших 21 духовному владельцу [11, л. 18 – 642о6.1]. Все эти крестьяне были допрошены офицерами переписной канцелярии, а поскольку допрашивались обычно главы семейств, один допрос, как правило, соответствовал одному крестьянскому двору. В таблице 1 показано, как материалы допросов распределялись в соответствии с принадлежностью беглецов той или иной церковной корпорации.

Таблица 1

Духовный владелец	Число допросов
владимирский Рождественский м-рь	79
Троице-Сергиев м-рь	30
нижегородский Печерский м-рь	18
патриарший дом	13
Кириллов м-рь	13
Николы-Волосский м-рь	10
переяславль-рязанский архиерей	6
Спасский м-рь	5
Дудин м-рь	3
Воскресенский м-рь	2
Борисоглебский м-рь	2
Николаевский м-рь	2
Вознесенский м-рь	2
суздальский Спасо-Евфимиев м-рь	1
Симонов м-рь	1
Кузьмин м-рь	1
Николы-Кадомский м-рь	1
протопоп соборный (?)	1
Настасьевский м-рь	1
Преображенский м-рь	1
Тихоновский м-рь	1

Как видно из таблицы 1, две трети монастырских крестьян происходили из владений трёх крупнейших собственников – владимирского Рождественского, Троице-Сергиева и нижегородского Печерского монастыря. Количество допросов, собранных с рождественских, троицких и пещерских крестьян, в общей сложности составляет 127 – для сравнения, на долю остальных восемнадцати монастырей и архиереев приходится лишь 66 допросов [11, л. 25 – 25о6., 126 – 162о6., 201 – 277, 307о6. – 325о6., 402 – 436, 478 – 558о6.]

[\[631о6. – 637\]](#). В ходе дальнейшего изучения ревизских сказок выяснилось, что наряду с беглыми и их потомками, проживавшими в Арбугинской волости, у вышеупомянутых обителей имелось ещё несколько вотчин на территории Симбирского уезда.

Исходя из этого, для анализа были выбраны офицерские описи именно этих трёх монастырей – не считая двух дел из фонда Коллегии экономии, в которых специально описывались крепостные самых разных владельцев в «арбугинских» ясачных сёлах (Шиловка, Криуша, Кременки, Ясашная Ташла) [\[2, 3, 4, 5, 6, 7, 8\]](#). Помимо этого, среди описаний владений Рождественского монастыря отложились три офицерские описи по крестьянам Богоявленского, Спасо-Казанского монастыря и Синода в ясачном селе Тушне [\[5, л. 223 – 232о6.\]](#). В совокупности все вышеназванные источники охватывают 50 монастырских вотчин в Симбирском уезде, из которых 5 принадлежали нижегородскому Печерскому монастырю, 15 – владимирскому Рождественскому, а 13 находились во владении Троице-Сергиевой Лавры.

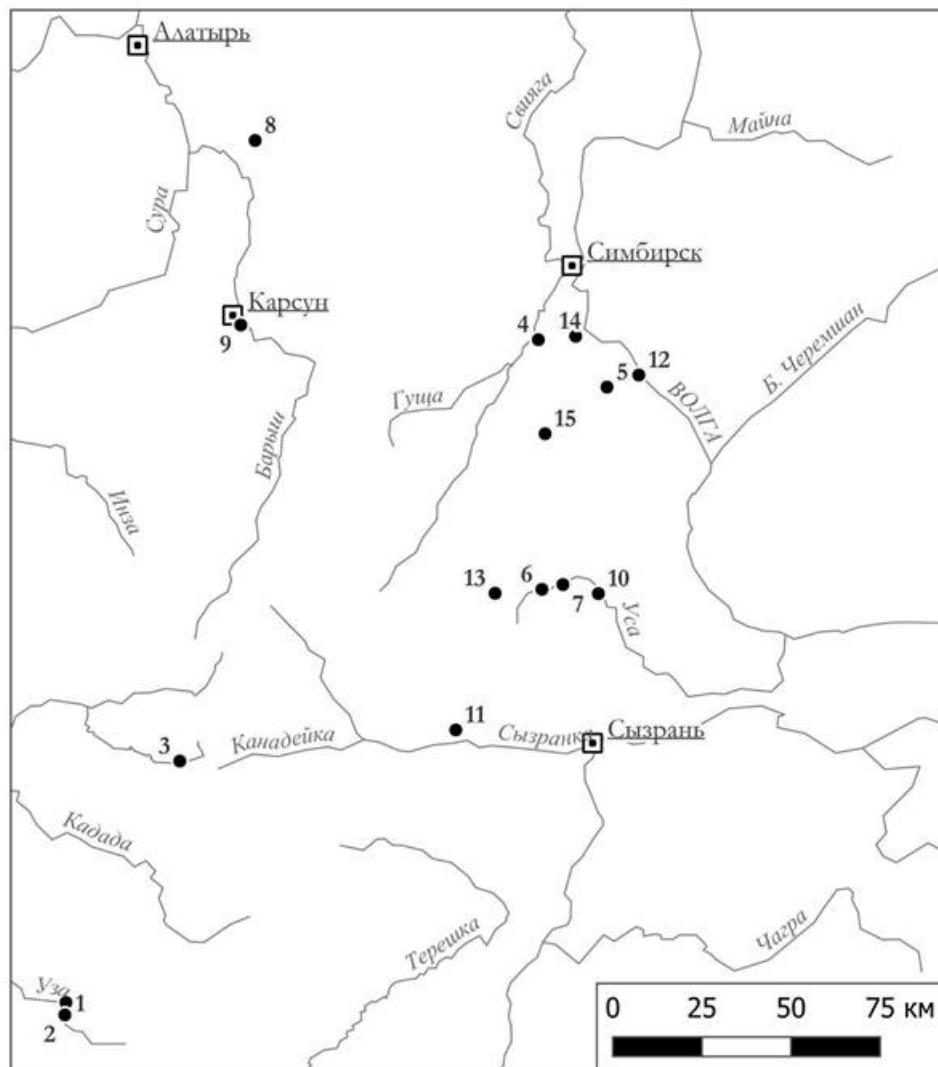
В ходе дальнейшего анализа предстояло определить, восходили ли прочие вотчины этих трёх обителей за пределами Арбугинской волости к поселениям беглых крестьян.

Согласно итоговым данным начала 1760-х гг. по владениям Рождественского монастыря, все его крестьяне, проживавшие в Среднем Поволжье, были в своё время сысканы из бегов [\[4, л. 76о6.\]](#); [\[23, с. 642\]](#). Характерной особенностью владений этой обители в Симбирском уезде было то обстоятельство, что они не составляли единой вотчины – как следует из ревизских сказок третьей ревизии, монастырские крестьяне по большей части проживали в помещичьих, солдатских и ясачных сёлах, составляя там меньшинство (таблица 2). Сами эти сёла, в соответствии с многообразием направлений побегов, были рассеяны в мозаичном порядке по всей территории уезда (карта 1) [\[1, л. 64\]](#); [\[9, л. 557 – 557о6.\]](#); [\[12, л. 174 – 271о6.\]](#); [\[13, л. 244 – 361\]](#); [\[14, л. 137 – 165\]](#); [\[15, л. 155 – 230, 307 – 384\]](#); [\[17, л. 473 – 518о6.\]](#); [\[18, л. 523 – 592о6.\]](#); [\[20, л. 406 – 442о6.\]](#); [\[22, л. 1 – 110, 295 – 439о6., 445 – 615о6., 650 – 776, 780 – 870о6.\]](#).

Таблица 2

№ на карте	Владение Рождественского монастыря	Число душ (III ревизия)	Другие жители того же поселения (в душах, IIIревизия)	Доля монастырских крестьян от общего числа жителей
1	с. Гусиная Лапа	570	–	100,0%
2	д. Рождественная			
3	с. Гольцовка	186	177 крестьян разных владельцев, 22 однодворца	48,3%
4	с. Ключищи	11	378 ясачных крестьян, 260 дворцовых крестьян, 55 крестьян разных владельцев	1,6%
			1343 ясачных	

5	с. Тушна	17	крестьянина, 53 крестьянина разных владельцев, 16 дворцовых крестьян	1,2%
6	с. Елшанка	76	246 ясачных крестьян, 95 крестьян разных владельцев	18,2%
7	д. Доможировка	13	34 ясачных крестьянина, 82 крестьянина разных владельцев	10,1%
8	д. Старый Кувай	8	103 ясачных крестьянина, 42 крестьянина разных владельцев	5,2%
9	с. Товолжанка	21	283 пахотных солдата, 22 крестьянина разных владельцев	6,4%
10	с. Суринское	37	272 пахотных солдата, 211 крестьян разных владельцев	7,1%
11	с. Томышево	39	420 ясачных крестьян, 160 крестьян разных владельцев	6,3%
12	с. Шиловка	61	1033 ясачных крестьянина, 64 крестьянина разных владельцев	5,3%
13	с. Большая Борла	118	397 ясачных крестьян, 410 крестьян разных владельцев	12,8%
14	с. Кременки	17	534 ясачных крестьянина, 48 крестьян разных владельцев	2,8%
15	с. Ясашная Ташла	148	198 ясачных крестьян, 322 крестьянина разных владельцев, 145 дворцовых крестьян	18,2%

Карта 1

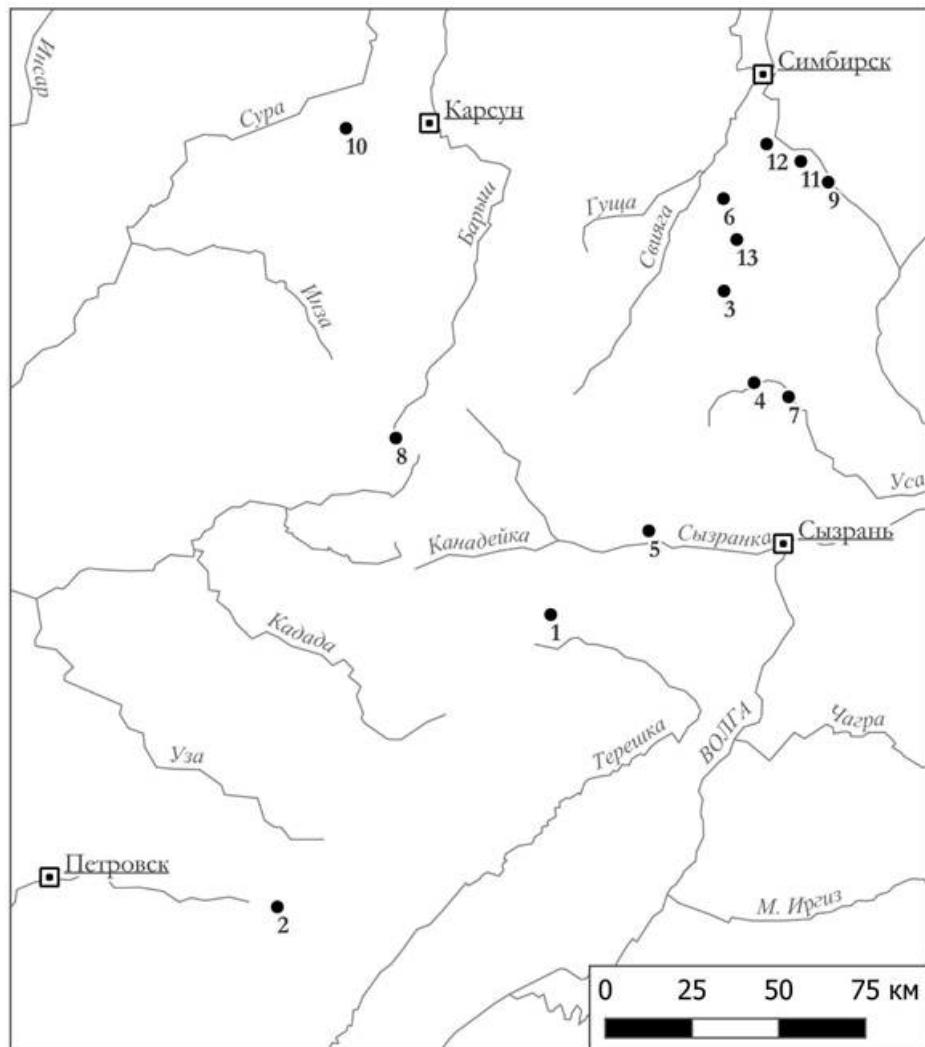
Что же касается Троице-Сергиева монастыря, то от первой ревизии до нас дошла ревизская сказка лишь по одному троицкому имению в Симбирском уезде – новопоселённой деревне Тимошкиной, крестьяне которой «из бегов пришли в нынешнем 723-м году» [10, л. 535об., 538об.]. В пользу «беглого» характера прочих симбирских владений монастыря свидетельствует структура расселения, аналогичная таковой у Рождественского монастыря – все троицкие крестьяне проживали в «разнопоместных» населённых пунктах (таблица 3), не составлявших единого территориального комплекса (карта 2) [12, л. 174 – 271об.]; [13, л. 82 – 156об.]; [15, л. 307 – 384]; [16, л. 107 – 166]; [17, л. 116 – 142об.]; [19, л. 546 – 683об.]; [21, л. 415 – 458]; [22, л. 140 – 293об., 295 – 439об., 650 – 776, 780 – 870об., 872 – 936]. При этом характерно, что у обеих обителей в XVII в. не было каких-либо земельных пожалований на территории Симбирского уезда [24, с. 104 – 127].

Таблица 3

№ на карте	Владение Троице-Сергиева монастыря	Число душ (III ревизия)	Другие жители того же поселения (в душах, III ревизия)	Доля монастырских крестьян от общего числа жителей
1	с. Сухая	102	323 пахотных солдата, 80	20,2%

№	Терешка	102	крестьян разных владельцев	20,2%
2	с. Алексеевка	739	604 крестьянина разных владельцев, 327 пахотных солдат, 11 однодворцев	44,0%
3	с. Назайкино	102	323 пахотных солдата, 80 крестьян разных владельцев	20,2%
4	с. Горюшка	20	190 ясачных крестьян, 260 крестьян разных владельцев, 4 дворцовых крестьянина	4,2%
5	с. Томышево	7	420 ясачных крестьян, 192 крестьянина разных владельцев	1,1%
6	с. Солдатская Ташла	4	356 пахотных солдат, 70 крестьян разных владельцев, 27 дворцовых крестьян	0,9%
7	с. Суринское	2	272 пахотных солдата, 246 крестьян разных владельцев	0,4%
8	д. Тимошкино	48	174 крестьянина суздальского Покровского девичьего монастыря, 72 крестьянина разных владельцев	16,3%
9	с. Шиловка	11	1033 ясачных крестьянина, 114 крестьян разных владельцев	0,9%
10	с. Сухой Карсун	16	56 ясачных крестьян, 185 крестьян разных владельцев	6,2%
11	с. Криничка	10	674 ясачных крестьянина, 265	1 0%

№	с. Кременки	6	крестьян разных владельцев	1,0%
12	с. Ясашная Ташла	16	534 ясачных крестьянина, 59 крестьян разных владельцев	2,0%

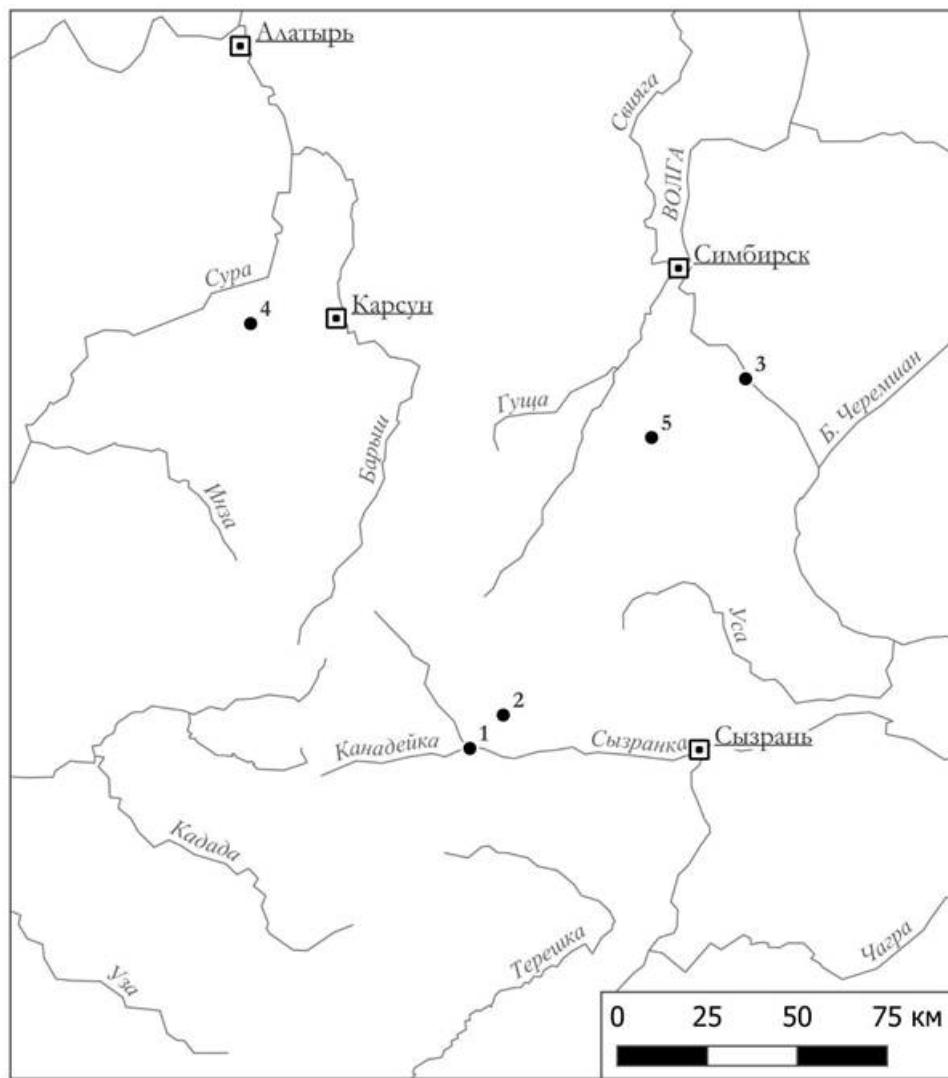

Карта 2

Более однородная картина расселения была характерна для крестьян нижегородского Печерского монастыря – к моменту третьей ревизии почти все они сосредотачивались в двух крупных вотчинах, расположенных по соседству, а в трёх ясачных селениях числилось лишь 15 душ мужского пола (таблица 4, карта 3) [17, л. 603 – 747]; [21, л. 295 – 439об., 415 – 458]; [22, л. 650 – 776].

Таблица 4

№ на карте	Владение Печерского монастыря	Число душ (III ревизия)	Другие жители того же поселения (в душах, IIIревизия)	доля монастырских крестьян от общего числа жителей
1	с. Канадей	1019	–	100,0%
2	с. Сунгур	318	–	100,0%
3	с. Шиловка	9	1033 ясачных крестьянина, 116 крестьян разных владельцев	0,8%
4	с. Сухой Карсун	1	56 ясачных крестьян, 200 крестьян разных владельцев	0,4%
5	с. Ясашная Ташла	5	198 ясачных крестьян, 465 крестьян разных владельцев, 145 дворцовых крестьян	0,6%

Карта 3

«Беглое» происхождение жителей Шиловки, Сухого Карсуна и Ясашной Ташлы можно установить по аналогии с прочими поселениями ясачных крестьян, куда в начале XVIII в. активно прибывали беглецы – как и у двух предыдущих владельцев, у Печерского монастыря крупные поселения сочетались с «хвостом кометы» в виде нескольких душ, разбросанных по отдельным ясачным сёлам и составлявших там меньшинство. В свою очередь, об обстоятельствах основания Канадея и Сунгуре имеется прямое указание офицерской описи – по свидетельству старост и выборных, «в прошлых-де давных годах до прежней переписи из разных верховых уездов сел и деревень деды и отцы их бежали, а по побеге поселились оными селами на порозжей государевой земле, на которой и ныне жительство имеют» [3, л. 5].

Из слов печерских крестьян также следует, что их землепользование было основано на захвате пустых территорий и не было подкреплено документами, подтверждающими права владения. Согласно описи, в Канадее и Сунгуре «как по писцовым книгам, так и ни по каким крепостям» не имелось ни собственной монастырской земли, ни «их крестьянской покупной». Не обладала вотчина Печерского монастыря и чётко определёнными формальными границами – «а коликое число у них во оных селах пашенной земли и сенных покосов, лесных угодей, того они [крестьяне] за неимением крепостей показать не могут» [3, л. 5].

Иная ситуация с земельными правами была свойственна для тех вотчин Троице-Сергиева

и владимирского Рождественского монастыря, которые располагались внутри населённых пунктов с землевладением дворян-помещиков и пахотных солдат. В 10 из 50 рассмотренных поселений монастырские крестьяне пользовались поместной землёй, приобретённой у потомков служилых людей по 13 частноправовым сделкам на протяжении 1710–1730-х гг.

При этом в изученных офицерских описях насчитывается 4 сделки, для заключения которых на место специально выезжали представители церковно-монастырского аппарата. К примеру, землевладение села Александровского, Гусиная Лапа тож, и соседней деревни Рожественной восходило к трём купчим, которые были оформлены в 1724, 1730 и 1733 гг. «на посторонние имя», а именно – монастырского подьячего Василия Бобкова, отставного поручика Еремея Воронцова и стряпчего Стефана Корницкого [4, л. 79об., 274 – 274об.]. Во всех трёх случаях продавцом был местный помещик, новокрещен князь Иван Петров сын Кудашев, владевший земельными угодьями по берегам реки Узы.

Однако более чем в половине случаев (5 из 9 крепостей) земли для поселения были приобретены самими крестьянами без участия монастырских служителей, о чём прямо говорится в соответствующих офицерских описях («куплено оными крестьянами от разных продавцов», «крепостной ими купленной земли») [5, л. 833об.]; [7, л. 201]; [8, л. 34об.]; [24, с. 117]. Иногда оба описанных выше способа могли сочетаться – в качестве примера можно привести владения Троице-Сергиева монастыря в селе Рождественском, Алексеевка тож, которые состояли из купленных в 1731 и 1734 гг. солдатских земель. Сначала в качестве покупателей выступили монастырские власти – архимандрит Варлаам, келарь Вениамин и казначей Нектарий Титов, но спустя три года вторую купчую оформлял на своё имя уже представитель крестьянского мира – земский Степан Кондратьев [8, л. 30, 31].

Крестьяне, поселившиеся в Симбирском уезде на поместных землях, имели возможность не приобретать земельные угодья в собственность, а арендовать их на определённый срок у помещиков, и в офицерских описях насчитывается 4 подобных сделки. Согласно источнику, в деревне Тимошкиной 48 душ Троице-Сергиева монастыря «из давних лет и поныне довольствуются... землею и сенными покосы от разных помещиков погодно наймом» [8, л. 61об.], а в селе Солдатская Ташла четверо троицких крестьян «нанимали» землю «у обывателей... повсягодно» [8, л. 50]. Крестьяне владимирского Рождественского монастыря, проживавшие в селе Гусиная Лапа и деревне Рожественной, в дополнение к покупным землям арендовали ещё 20 четвертей [4, л. 79об.], а староста села Гольцовки докладывал присланным от Коллегии экономии офицерам, что 195 рождественских крестьян «жительство имеют на наемной [земле] по kortomной записи, писанной в 755 году марта 29 дня у крепостных дел, данной того ж Синбирского уезду Завацкого стану от помещиц... с того 755 году впредь на 30 лет», и что «деды и отцы их жительство имели в том селе от разных помещиков на наемной земле» [4, л. 80об. – 81, 233об.]

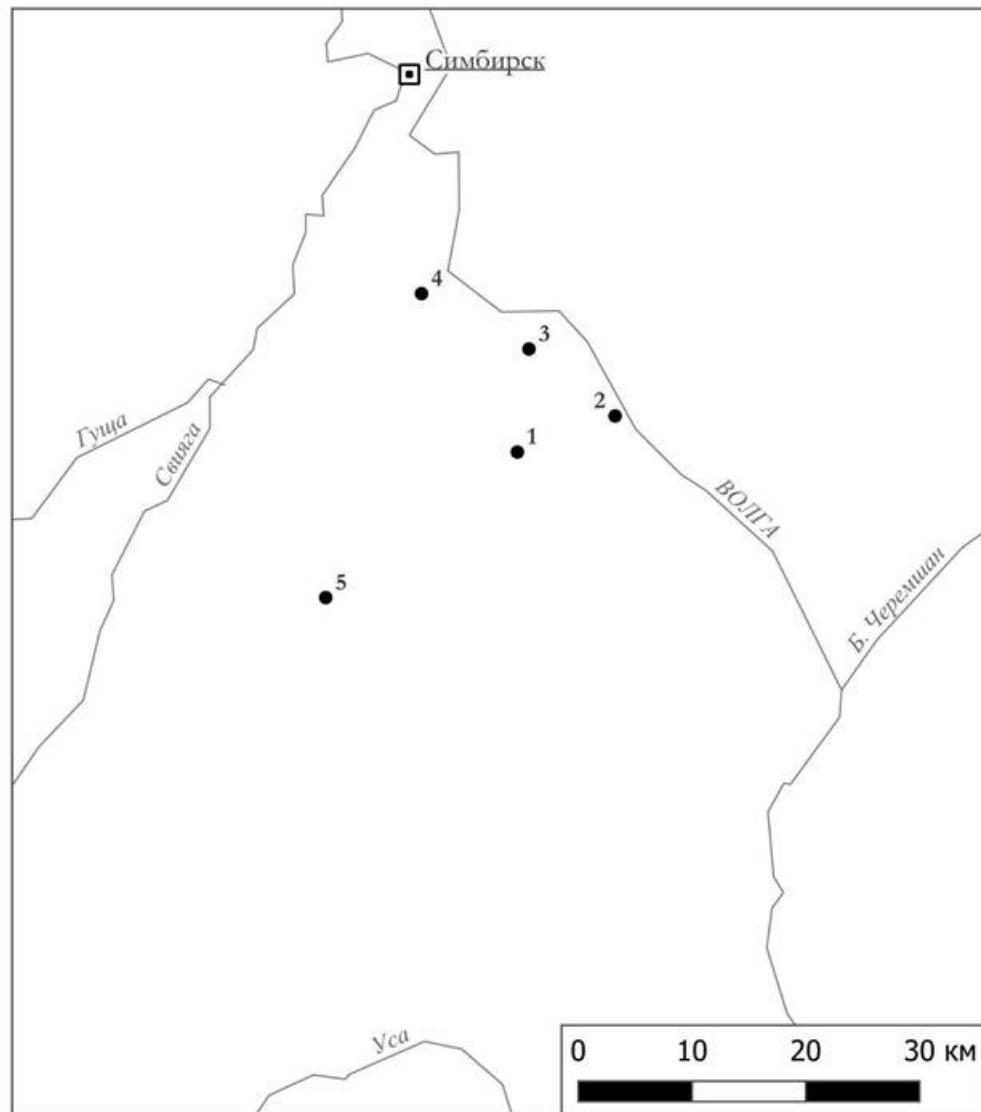
Если 10 из 50 населённых пунктов владели пашней, сенокосами и лесами «по крепостям», а сёла Канадей и Сунгур располагались на «порозжей земле», то остальные 38 примеров относились к подселению беглых в ясачные сёла – то есть на «государевы» земли, которые не могли отчуждаться в пользу монастыря по частноправовым сделкам. Помимо Троице-Сергиевой Лавры, Рождественского и Печерского монастырей (сведения о душевладении которых уже приводились в таблицах 2, 3 и 4), крепостными там владели Николы-Волосов, Богоявленский, Симонов, Кириллов, Тихонов, Дудин, Спаса

Нового, казанский Спасский и кадомский Николаевский монастыри, переяславль-рязанский архиерей и «попы муромские соборные», а также Синод, в ведении которого находились бывшие патриаршие крестьяне (таблица 5, карта 4) [22, л. 140 – 293об., 295 – 439об., 445 – 615 об., 650 – 776, 780 – 870об.]

Таблица 5

№ на карте	Название населённого пункта	Общее число жителей (в душах, III ревизия)	Владелец	Число душ и их доля от общего числа жителей (III ревизия)
1	с. Тушна	1343 ясачных крестьянина, 70 крестьян разных владельцев, 16 дворцовых крестьян	Богоявленский монастырь	4 (0,3%)
			Спасо-Казанский монастырь	4 (0,3%)
			Синод («патриаршие»)	6 (0,4%)
			Николы-Волосов монастырь	8 (0,6%)
2	с. Шиловка	1033 ясачных крестьянина, 125 крестьян разных владельцев	Синод («патриаршие»)	8 (0,7%)
			Симонов монастырь	8 (0,7%)
3	с. Криуша	674 ясачных крестьянина, 275 крестьян разных владельцев	переяславль-рязанский архиерей	42 (4,4%)
			кадомский Николаевский монастырь	1 (0,1%)
4	с. Кременки	534 ясачных крестьянина, 65 крестьян разных владельцев	Синод («патриаршие»)	5 (0,8%)
			муромский собор	10 (1,7%)
			Николы-Волосов монастырь	2 (0,3%)
			Николы-Волосов монастырь	59 (7,3%)
			Кириллов монастырь	18 (2,2%)

5	с. Ясашная Ташла	198 ясачных крестьян, 470 крестьян разных владельцев, 145 дворцовых крестьян	Спасский монастырь	3 (0,4%)
			Тихонов монастырь	12 (1,5%)
			Дудин монастырь	3 (0,4%)
			монастырь Спаса Нового	11 (1,4%)

Карта 4

Порядок землепользования, сложившийся у пришлого монастырского населения в ясачных сёлах, описывается во всех описях единой формулой:

«В том селе крепостной у оных крестьян земли, сенных покосов и лесных угодей не имеется. А при оной описи вышеписанной староста со крестьяны скаскою показали, что как деды и отцы их довольствовались, так и они ныне довольствуются в том селе государевою ясашною землею, сенными покосы и лесными угодьями, которой достается обще по разделу с ясашными крестьяны земли на каждую душу по четверти, сенных

покосов волоковых по три копны. А более они, крестьяне, как землею, так и сенными покосы довольствуются близ того села разных жительств от обывателей наймом».

Одним из пунктов формуляра офицерских описей были сведения о повинностях крестьян в пользу своего монастыря. Монастырские крестьяне, о которых идёт речь в изученных описях, когда-то «сошли побегом», однако после проведения первой ревизии были «легализованы» на своём новом месте жительства – при этом, как правило, они вернулись под власть прежних владельцев и были обязаны уплачивать им ежегодный денежный оброк [\[6, л. 2 – 12, 77 – 82об., 89 – 99\]](#).

Однако в ясачных волостях данная закономерность работала не для всех беглых монастырских крестьян – 7 из 38 поселений лишь формально числились собственностью того или иного монастыря, тогда как в действительности местные жители не несли в пользу владельца никаких повинностей: «денежных и хлебных оброков не давали, и хлеба не пахали, и никаких работ не работали, с лошадьми и пеших и никто от них в тот монастырь посыпан не был... и кроме подушного семигривенного окладу... никаких государственных податей не платят» [\[2, л. 84 – 84об., 87об., 93, 104\]; \[4, л. 226 – 226об., 325об., 345об.\]](#). Более того, двое старост прямо сообщили офицерам, что не знают, «где оной монастырь состоит» [\[4, л. 325об., 345об.\]](#), а написанный в селе Криуше за кадомским Николаевским монастырём крестьянин Лукьян Никитин выразился следующим образом: «оброчных денег он, Никитин, и отец ево ни одной копейки и ничего с прошлого 719 года поныне не платят, ибо и монастырь их в Кадоме есть ли, а хотя б и был, да власти их об нем не ведают» [\[6, л. 82об.\]](#).

Подведём итоги всему вышесказанному.

В крепостную эпоху любое переселение крестьянина без ведома владельца считалось нелегальным и определялось как побег, и в случае обнаружения крестьянин должен был быть водворён на прежнее место жительства. Несмотря на то, что эти нормы распространялись также и на монастырских крестьян, не все из духовных владельцев располагали желанием и возможностью осуществить данную операцию по отношению к найденным беглым, и особенно отчётливо это проявилось на юге Среднего Поволжья в первые десятилетия XVIII века. В данном регионе монастыри зачастую признавали побег совершившимся фактом, стремились легализовать новое место жительства и свои права на землю, которую крепостные освоили «в бегах».

В законодательстве такая возможность была предусмотрена резолюцией Петра I от 9 февраля 1723 г. – если доля «пришлых» в населённом пункте превышала треть, их предполагалось оставлять на новом месте. В то же время, из 50 рассмотренных монастырских владений данному критерию в полной мере соответствовали лишь шесть (Гусиная Лапа, Рожественская, Гольцовка, Алексеевка, Канадей, Сунгур). Для примера, в период первой ревизии население Арбугинской ясачной волости на 41% состояло из беглых, однако по отдельности монастыри, как правило, владели там считанными долями процента от общего числа жителей – что не помешало владельцам и администрации «легализовать» беглецов.

Если бежавшие крестьяне селились в дачах местных помещиков, «легализация» монастырского землевладения достигалась путём признания крестьянских сделок на поместные земли (либо официальным оформлением приобретения земли для крестьян, которое осуществлялось монастырскими служителями). Что же касается ясачных сёл, то там крестьяне были вынуждены довольствоваться небольшой долей в переделываемом

общинном поле – как из-за своей малочисленности, так и в силу отсутствия юридической возможности отчуждать ясачную землю по частноправовым сделкам.

Ярким исключением из этой закономерности являлась симбирская вотчина нижегородского Печерского монастыря, землепользование которой не было оформлено никакими законными правами и базировалось на освоении крестьянами «порозжей государевой земли». Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что бежавшие крепостные были первопоселенцами в данной местности и с самого начала не нуждались в том, чтобы «встроиться» в поместное или ясачное землевладение.

Отдельно стоит отметить, что некоторые беглые, поселившиеся среди ясачных крестьян, в ревизских сказках и офицерских описях официально числились за своими бывшими монастырями, однако де-факто так и не вернулись под власть законных владельцев. Не неся никаких повинностей в пользу обитали, но не будучи при этом государственными крестьянами, они не платили в казну «оброчную» часть подушной подати, что делало их положение самым льготным среди всех категорий податного населения.

Библиография

1. РГАДА. Ф. 16. Разряд XVI – внутреннее управление. Оп. 1. Д. 931.
2. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 314.
3. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 480.
4. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 488. Ч. 1.
5. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 488. Ч. 2.
6. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 603.
7. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 622. Ч. 2.
8. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 3. Д. 622. Ч. 5.
9. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 4. Д. 2680.
10. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3113.
11. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3118.
12. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3143.
13. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3154.
14. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3157.
15. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3158.
16. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3159.
17. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3160.
18. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3161.
19. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3163.
20. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3164.
21. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3173.
22. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 3174.
23. Владимирский Рождественский монастырь в 1763 году // Владимирские епархиальные ведомости: отдел неофициальный. 1899. №19. С. 635 – 646.
24. Описание грамот Коллегии экономии. Т. 3. М., 2020.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I – XXX.
26. Российское законодательство X-XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985.
27. Бондаревская Т.П. Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 385 – 399.
28. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. М.-Саратов, 1923.
29. Иванов А.Г. "Офицерские описи" Спасо-Юнгинского монастыря и Мироносицкой пустыни 1764 г. // Марийский археографический вестник. 1995. №5. С. 140 – 162. EDN:

SASZZN

30. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971. EDN: TMUBCZ
31. Клеянкин А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века: социально-экономический очерк. Саранск, 1974.
32. Козлова Н.В. Побеги крестьян в России в первой трети XVIII века (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983. EDN: VGVYKH
33. Комиссаренко А.И. "Офицерские описи" как источник по истории феодально-вотчинного хозяйства Среднего Поволжья середины XVIII в. // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 75 – 80.
34. "Обретение родины": общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.
35. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
36. Ржаникова Т.П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (50-е – нач. 70-х годов XVIII в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1953.
37. Соколова Н.В. Об особенностях и основных этапах монастырской колонизации в Нижегородском крае (вторая половина XIV – первая четверть XVIII в.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 71 – 88. EDN: UEBNSN
38. Черкасова М.С. Владения Троице-Сергиевой Лавры в Среднем Поволжье по "офицерским описям" начала 1760-х годов // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Материалы I всероссийской (IX межрегиональной) научно-практической конференции. Самара, 2007. С. 82 – 86. EDN: YNWCKZK
39. Черкасова М.С. Вотчины Троице-Сергиевой лавры в Пензенском и Саранском уездах по офицерским описям середины XVIII в. // Марийский археографический вестник. 2007. № 17. С. 34 – 42. EDN: YNXNUN
40. Щепетов К.Н. Беглые крестьяне князя А.М. Черкасского в первой половине XVIII в. // История СССР. 1963. № 6. С. 127 – 137.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья исследует сложный и малоизученный процесс легализации поселений беглых монастырских крестьян в Симбирском уезде Среднего Поволжья после Первой ревизии (1720-е гг.). Фокус сделан на механизмах интеграции беглецов в правовое и хозяйственное пространство региона вопреки жестким нормам крепостного права, требовавшим возврата на прежние места жительства. Автор детально анализирует правовые основания (особенно указ Петра I от 9 февраля 1723 г.), практики землепользования (покупка, аренда, использование «порозжих» и ясачных земель) и характер повинностей легализованных крестьян по отношению к своим монастырям-владельцам.

Методология работы строго соответствует задачам исторического исследования и основана на сравнительно-историческом анализе (сопоставление данных офицерских описей (1763 г.) и материалов первых трех ревизий (1723-24, 1745, 1762-64 гг.) позволило реконструировать динамику за 40 лет), микроисторическом подходе

(детальное изучение судеб конкретных поселений и групп крестьян на примере владений трех ключевых монастырей – Рождественского Владимирского, Троице-Сергиева, Печерского Нижегородского – на территории Симбирского уезда). Также применяются количественные методы (исследуется статистика численности душ, доли беглых в населении, структура землевладения и повинностей) и методы исторической географии, усиленные современными ГИС-технологиями (локализация поселений на карте с использованием QGIS и сопоставление с картографическими материалами XVIII–XIX вв.).

Исследование обладает высокой актуальностью по нескольким направлениям. Во-первых, исследование углубляет понимание неоднозначности его функционирования на практике, показывая гибкость системы под давлением обстоятельств (массовость побегов, удаленность). Во-вторых, вносит вклад в изучение механизмов освоения Среднего Поволжья, роли нелегальной миграции в формировании сети поселений и землепользования. В-третьих, раскрывает стратегии выживания и адаптации беглых крестьян, их взаимодействие с разными категориями населения (ясачные, помещичьи, солдатские крестьяне) и властями. В-четвертых, проанализирована практика применения законодательства (особенно петровской резолюции 1723 г.) на региональном уровне, показано взаимодействие центральных и местных властей.

Научная новизна статьи определяется введением в научный оборот новых данных (детальный анализ ранее недостаточно изученных офицерских описей 1763 г. по Симбирскому уезду, выявление на их основе конкретных механизмов легализации). Особое внимание удалено монастырским крестьянам (специфика данной категории беглых и их легализации в сравнении с помещичьими крестьянами (на примере кн. Черкасского) ранее не была предметом столь пристального внимания в контексте Поволжья). Установлены разные модели легализации (автор убедительно показывает, что процесс не был единообразным – от признания крупных поселений на «порозжей» земле до покупки/аренды земли у помещиков и сложного встраивания в ясачные общины с минимальными наделами и вариативностью выполнения повинностей). Дано документальное подтверждение «льготного» положения некоторых групп (выявление категории крестьян, формально числившихся за монастырями, но не плативших им оброк и не плативших «оброчную» часть подушной подати государству – важное уточнение картины социального расслоения). Пространственный анализ расселения беглых монастырских крестьян на территории уезда с помощью современных ГИС-технологий существенно обогащает понимание масштабов и характера явления.

Статья написана четким, академическим языком, соответствующим жанру научного исследования. Терминология используется точно. Структура логична и отвечает задачам исследования. Наличие таблиц и карт значительно повышает наглядность и доказательность. Библиография в целом релевантна и отражает основные источники и исследования, привлеченные в статье.

Автор корректно вписывает свое исследование в существующую историографию. Поддерживает выводы Н.В. Козловой о вынужденных отступлениях государства от нормы возврата, развивает наблюдения Н.В. Соколовой о практике монастырей в Нижегородском крае. Указывает, что предшественники (Перетяткович, Гераклитов, Дубман) не уделяли достаточного внимания взаимодействию беглых с властями и интеграции, а советские историки (Ржаникова, Щепетов, Бондаревская, Клеянкин) фокусировались преимущественно на помещичьих крестьянах и классовой борьбе, оставляя в тени специфику монастырских и механизмы легализации. Таким образом, автор предлагает принципиально новый взгляд на проблему побегов через призму их последующей легализации на новых местах с анализом конкретных правовых и хозяйственных механизмов, что ранее не было сделано системно на региональном

материале.

В качестве главных достоинств статьи следует отметить: глубокое и комплексное использование массовых исторических источников (офицерские описи, ревизские сказки), позволивших выявить и детально описать разнообразные практики легализации беглых монастырских крестьян на микроуровне. В статье сделана четкая классификация и доказательная демонстрация различных путей закрепления беглых на земле (покупка/аренда поместной земли, освоение «порозжей» земли, встраивание в ясачные общины) и их связи с характером повинностей (или их отсутствием). Статья является примером эффективного сочетания количественного анализа, микроисторического подхода и методов исторической географии (ГИС) для реконструкции расселения и землепользования, что дает многомерную картину явления.

В качестве замечаний необходимо отметить следующее. Хотя факт встраивания беглых в ясачные села констатирован, механизмы этого встраивания раскрыты поверхностно, а это важный аспект социального взаимодействия. Употребление термина «легализация» в кавычках оправдано его условностью с современной точки зрения, но его точное содержание в реалиях XVIII века требует более четкого определения автором.

Ключевой вывод статьи – о том, что, несмотря на жесткое законодательство, в практике первой половины XVIII века в Среднем Поволжье сложились разнообразные и часто инициируемые самими монастырями или реализуемые при их пассивном согласии механизмы фактической легализации беглых монастырских крестьян на новых местах без возврата «на прежние жилища» – представляется вполне обоснованным и убедительным. Он надежно подкреплен анализом конкретных случаев, выявленных в массовых источниках, и количественными данными. Вывод о вариативности статуса и повинностей таких крестьян также подтверждается материалом.

Статья вызовет значительный интерес у историков. Работа представляет собой серьезное, новаторское исследование, основанное на глубоком анализе широкого круга архивных источников. Она вносит существенный вклад в изучение истории крепостного права, колонизации Среднего Поволжья и адаптивных стратегий крестьянства в России XVIII века. Научная новизна, актуальность темы и в целом высокое качество исследования не вызывают сомнений. Таким образом, статья «Легализация» поселений беглых монастырских крестьян после проведения первой ревизии (по материалам симбирского Поволжья)" рекомендуется к публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».